

УДК 32.019.5

Кротков В. О.*Государственный академический университет гуманитарных наук
119049, г. Москва, Мароновский переулок, д. 26, Российская Федерация*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление детерминант, обуславливающих политический протест, а также рассмотрение российской политической практики, связанной с политическим манифестированием, на основе предложенной методологии.

Процедура и методы. В статье анализируются различные методологические подходы, концептуализирующие политический протест. В частности, раскрыты атрибутивные качества теорий относительной депривации, коммуникативного поведения и мобилизации ресурсов, а также коммуникативного концепта. Помимо этого, в анализе сделан акцент на современном политическом акционизме, который неразрывно связан с виртуализацией и сетевизацией общественных практик. Соответственно, затронуты аспекты, раскрывающие постмодернистскую специфику политического протеста.

Результаты. Раскрыты основные методологические подходы, интерпретирующие феномен политического протеста в увязке с режимной консолидацией. На примере российского кейса, характеризующегося протестным манифестированием, проанализированы его особенности на основе релевантной методологии. Сделан базовый вывод о том, что отечественные протестные практики современности детерминированы и развиваются по императивам и в русле комплекса научных подходов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты в большей степени носят практический характер, так как объясняют мотивы и логику развития современного политического протеста в России. Политическая элита может переосмыслить политическую конъюнктуру и принять комплекс мер, направленных не столько на демпфирование протеста, сколько на создание социально-экономических условий для развития общественных страт (особенно молодёжи) и канализацию политической энергии в конвенциональное русло.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политический протест, научные методы, постмодерн, политический режим, акционизм

СТРУКТУРА

[Введение](#)[Методологический инструментарий](#)[Дефиниции политического протеста](#)[Эмпирические основания](#)[Практика российского политического протеста](#)[Заключение](#)

V. Krotkov

State Academic University for the Humanities
26 Maronovskii pereulok, Moscow 119049, Russian Federation

CONCEPTUALIZATION OF POLITICAL PROTEST: THEORETICAL FOUNDATIONS AND RUSSIAN PRACTICE

ABSTRACT

Aim. Identification of the determinants that define political protest, as well as consideration of Russian political practice related to political manifestation based on the proposed methodology.

Methodology. The article analyzes various methodological approaches that conceptualize political protest. In particular, the attributive qualities of the theories of relative deprivation, communicative behavior and resource mobilization, as well as the communicative concept are revealed. In addition, the analysis focuses on modern political actionism, which is inextricably linked with the virtualization and networking of public practices. Accordingly, the aspects that reveal the postmodern specifics of political protest are touched upon.

Results. The main methodological approaches that interpret the phenomenon of political protest in connection with regime consolidation are defined. In the example of the Russian case, characterized by protest manifestation, its features are analyzed on the basis of the relevant methodology. The basic conclusion is that the present-day domestic protest practices are determined and developed according to imperatives and in line with a set of scientific approaches.

Research implications. The results are mostly practical in nature, as they explain the motives and logic of the contemporary political protest development in Russia. The political elite can reconsider the political situation and take a set of measures aimed not so much at damping the protest, but at creating socio-economic conditions for the development of social strata (especially young people) and channeling political energy into a conventional channel.

KEYWORDS

political protest, scientific methods, postmodern, political regime, actionism

ВВЕДЕНИЕ

С развитием политической сферы общества происходят различные метаморфозы, которые так или иначе связаны с функционированием институтов, канализированием процессов, видоизменением технологий и, конечно, участием субъектов в определённой форме и с конкретным целеполаганием, которое, как правило, фокусируется на властном доминировании и ресурсе. Целью данной статьи является выявление основных детерминант, влияющих на радикальные формы политической борьбы (концептуализация политического протеста), а также, в качестве примера, самих характеристик протестных действий в современных российских условиях.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

В качестве теоретико-методологической основы анализа следует выделить подходы, концепты, теории как отечественных (О. С. Пустошинская,

Д. Д. Челпанова, С. М. Хенкин, Е. В. Бродовская, А. В. Семенов, Д. В. Руденкин, В. В. Костюшев, В. В. Горьковенко, П. Г. Крикунов, С. Н. Шкель, Е. И. Репина, Г. И. Вайнштейн), так и зарубежных (Т-Ю. Ханг, Т. М. Клейнер, С. Волк, К. Моссбергер, С. Толберт, Р. С. Макнил, С. А. Пауэр) исследователей, занимающихся данной проблематикой. В качестве эмпирической базы выступают социологические опросы, отражающие настроения и политические мотивы тех или иных социальных групп и акторов.

Рефлексируя в теоретическом ключе следует отметить, что в целом тематика неконвенционального политического позиционирования рассматривалась не только политологами и социологами, то есть в сциентистском ключе, но и различными публицистами, которые описывали политические баталии, яркие революционные события, акцентировали внимание на эксплицитных формах политического действия в те или иные периоды истории. Соответственно, в обыденном сознании социальных страт в качестве паттерна зафиксирован образ политики, в том числе через призму активных форм политического участия. В то же время, методологической базой исследований протестных практик можно считать «поля политики» на основе теории «социального пространства», интерпретированные П. Бурдьё¹. Капиталы субъектов политического поля взаимодействуют, что приводит к политическим конфликтам.

В рассматриваемом ключе следует проанализировать различные теоретико-методологические подходы, интерпретирующие каузальные характеристики политического протеста как устоявшейся категории политической науки.

Одним из подходов является теория относительной депривации, которая акцентирует внимание на иррациональном политическом активизме вследствие рассогласованности целеполагания и имеющихся фактических возможностей доступа к ресурсам для многих слоёв населения, что характерно для большей части недемократических политических режимов. В рамках этой методологии узурпация власти, деинституционализация, антиобщественный характер политики, отсутствие социальных лифтов детерминируют эмоциональную ущемлённость, бесперспективность и недовольство «снизу».

В зависимости от политической конъюнктуры и имеющегося социального статуса, определённые акторы используют в качестве методов политической борьбы протестные акции для яркой демонстрации своих целей, в определённой степени подчёркивая антагонистический характер сложившихся общественно-политических отношений. С точки зрения основного фактора политической конфликтогенности, как считает О. С. Пустошинская, «лежит как разделение труда, дифференцированность ролей, иерархия ста-

¹ Бурдьё П. Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

тусов и вытекающее из этого неравенство доступа к различным ресурсам и благам, так и институционализация норм, легитимирующих образовавшуюся асимметрию» [7, с. 83]. Надо отметить, что анализируемая теория относительной депривации мало уделяет внимание рациональным детерминантам, делая акцент, именно, на социально-политическом эмоциональном фоне.

Также следует затронуть коммуникативную теорию, покоящуюся на феномене социально-политической коммуникации как естественной функции политического процесса. Порождённая этим явлением политическая активность часто связана как раз с конкурентной политической системой, в рамках которой те или иные акторы (институты широкого гражданского общества) систематически артикулируют свои интересы в адрес любой (правой, левой) политической элиты с целеполаганием не на смену системы, а на корректировку политического курса, реформирование сложившегося политического порядка и имманентных ему дисфункций [12]. В данном контексте важно обратиться к международному опыту. В частности, в Испании новые социальные движения во многом вытеснили традиционные партии и профсоюзы с точки зрения эффективной среднесрочной политики, основанной на неэлекторальных формах выражения протеста. В своем анализе С. М. Хенкин отмечает, что «движения массового протеста способны влиять на решение текущих проблем и добиваться позитивных результатов. Но разрешить среднесрочные, а тем более долгосрочные проблемы они не в состоянии. Для этого необходимо войти в институты, где принимаются решения, определяющие жизнь миллионов людей. А это движение можно сделать, только трансформировавшись в политическую партию, которая способна преобразовать массовые требования в эффективную политику» [10, с. 80]. И далее: «Люди входят в мир политики и выходят из него, руководствуясь текущими повседневными интересами или подчиняясь требованиям гражданской этики. В жизни отдельного человека чередование периодов политической активности и пассивности превращается в норму» [10, с. 80].

Нельзя не упомянуть классическую теорию коллективного поведения, которая акцентирует внимание на иррациональных всплесках в радикальном политическом участии, обусловленном крайне тяжёлым социальным положением, связанным с безысходностью. В определённой степени к такого рода общественно-политическому акционизму можно причислить «цветные революции» современности в бедных странах Востока. По форме их вектор направленности сопровождался эмоциональными, бунтарскими событийными рядами, обнажающими полную бесперспективность сложившегося социального порядка. Но сложно не согласиться с А. В. Матюхиным, который, со ссылкой на Р. С. Осина, подчёркивает, что «цветные революции», собственно, «революциями в научном смысле не являются, а представляют государственные перевороты, меняющие только первых лиц, но не меняющие социально-экономическую и политическую системы» [6, с. 88].

В рамках основных теоретико-методологических подходов следует привести концепцию мобилизации ресурсов, базирующуюся на целенаправленной рефлексии субъектов политического поля. В отличие от предыдущих теорий, данная акцентирует внимание на рациональном политическом поведении. Анализируемый подход, в определённой степени, коррелирует с марксистской интерпретацией глобального политического процесса (смена общественно-экономических формаций). Роль рационального политического актора, который целенаправленно выстраивает стратегию и тактику политической борьбы для свержения несправедливого строя, имманентна, в том числе, леворадикальной традиции.

В исследуемом контексте можно привести иной теоретико-методологический подход, связанный с проблематикой социального протеста, который предложил В. В. Костюшев. С его точки зрения можно выделить «триаду протеста», которая структурно выражается «верифицируемыми категориями:

1) «потенциал протеста» (состояние и практика эмоционального и морального недовольства: эмотивная компонента);

2) «дискурс протеста» (состояние и практика интеллектуального и идеологического несогласия: когнитивная компонента);

3) «репертуар протеста» (состояние и практика коллективного действия: конативная компонента)» [5, с. 147–148]. Верифицируемость компонентов, операционализация процессов и полученных данных всегда представляется крайне важным для политической науки.

ДЕФИНИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

Достаточно широкую и системную дефиницию на базе множества факторов и теорий, в том числе с учётом подхода В. В. Костюшева, понятию «политический протест» даёт О. С. Пустошинская: «Это детерминированное несовпадение жизненно важных интересов и невозможность эгалитарного удовлетворения витальных и высших потребностей, отклонение или преступление официально императивированного и фактически сложившегося в данном социуме политического стандарта в масштабе от инакомыслия, оправданных общественным мнением девиаций до революций, предполагающее негативную оценку, противительное отношение и сопротивление применительно к данному стандарту на индивидуальном, групповом или массовом уровне, что проявляется в соответствующих настроениях, образующих потенциал протеста, пассивных формах отрицания и несогласия с системой правления, отдельными её элементами, функциями, взаимосвязями, институтами, ролями, субъектами, адекватностью осуществления ими полномочий и принятия решений, а также в действиях профессиональных политиков, институционализированных и самоорганизованных коллективных акторов, индивидов и общества в целом, которые могут иметь рефлексивно-оборонительный характер или осуществляться в рамках насту-

пательной стратегии с целью расширения пространства публичной сферы и пересмотра механизмов распределения общественных благ и опираться на массовую или гражданскую базу, инициироваться элитными группами или возникать самостоятельно и развиваться снизу, протекать организованно или стихийно, открыто или латентно, локально или широкоформатно, мирно или с применением насилия и включать бесконечный арсенал форм и технологий проявления от традиционных до инновационных, конвенциональных, предполагающих корректировку правительственного курса, до антиконституционных, направленных на изменение государственного строя» [7, с. 83].

Иное, более обобщённое определение политического протеста сформулировал Д. В. Руденкин. Это «совокупность рациональных и иррациональных действий, совершаемых людьми для публичного выражения своего недовольства ситуацией или изменения этой ситуации» [8, с. 350]. Упомянутые определения отражают различные аспекты политического протеста, который имеет как рациональные, так и иррациональные детерминанты, а также структурные и процедурные компоненты.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Транзит от модерна к постмодерну, в том числе в России, приводит к тому, что современное социальное пространство во многом носит виртуальный и сетевой характер. В научный оборот входит категория «цифровой гражданин» (digital citizen), то есть процесс социализации поколения Z во многом детерминирован цифрой. Цифровая эпоха, которая стремительно развивается, продуцирует новые практики, механизмы, опции, каналы социальной коммуникации, и в том числе политическое самовыражение. Все эти аспекты, как правило, носят увлекательный и персонализированный характер. Конечно, нельзя утверждать, что все «цифровые граждане» характеризуются политическим активизмом, но те группы, которые имеют аксиологическую основу, часто выражают претензии в адрес власти. С точки зрения протестной ангажированности, исследователи Е. В. Бродовская и Т. Хуанг в 2019 г. провели кластеризацию массива социального опроса и «выделили четыре типа носителей разного уровня протестного потенциала в среде российской молодежи: «зрителю» – 50,8%, «вовлечённые» – 37%, «активисты» – 7%, «лидеры» – 5,1%»² [2, с. 12].

В то же время необходимо обратить внимание на то, что политико-экзистенциальные характеристики современной российской молодежи также достаточно явно начинают проявляться не только в онлайн, но и офлайн режиме (рис. 1).

² Январские протесты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2021/02/10/yanvarskie-protesty/> (дата обращения: 01.03.2021).

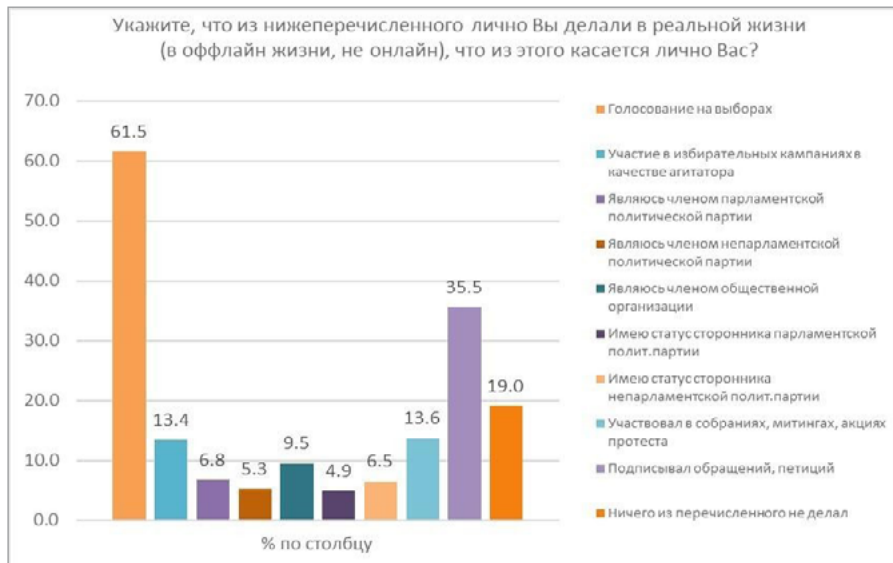

Рис. 1 / Fig. 1. Гражданские и политические практики российской молодежи в офлайн-среде (2019 г.) / Civil and Political Practices of Russian youth in the offline environment (2019)

Источник: [2, с. 12; 11].

Помимо этого, региональные опросы (для изучения базисных установок использовался опросник Р. Янова-Бульмана), как отмечает М. А. Кленова в своём исследовании³, в котором приняли участие 117 человек, молодёжь в возрасте от 18 до 24 лет – студенты государственных вузов г. Саратова, показывают, что «в структуре политических ценностей молодёжи наблюдается определённый диссонанс, связанный как с высокой оценкой независимости и автономии, так и с высоким уровнем патернализма и выражения стремления к управляемости и подконтрольности» [4]. Следует подчеркнуть, что политические ценности студенческой молодёжи субъекта федерации анализировались по осям «патернализм – автономия», «иерархия – равенство», «демократия – авторитаризм».

В свою очередь, полученные данные среди молодой по возрасту группы среднестатистического региона, в части установок на этатизм и патернализм, коррелируют с выводами, которые сделали исследователи В. Г. Егоров и А. В. Абрамов на основе анализа политической культуры и аксиологии. Они подчёркивают, что в целом «россияне являются приверженцами самой идеи

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках проекта № 20-011-31558 олн «Политическая культура студенческой молодёжи российских регионов: методы диагностики и технологии формирования в свете реализации государственной молодежной политики».

государственного порядка как такового, но их решительно не устраивает та форма, в которую этот порядок облекается» [3, с. 131].

Современные методологические подходы, в отличие от классических, опираются на анализ связей, отношений, тенденций в рамках виртуального пространства, в котором «живёт» большая часть российской молодёжи, особенно крупных агломераций. Так, Д. К. Стукал и коллеги активно занимаются современными методами наук о данных в их применении к изучению политической мобилизации с помощью социальных сетей. В этом плане можно выделить два крупных класса методов: обучение с учителем (supervised learning) и обучение без учителя (unsupervised learning). В частности, они отмечают, что «для анализа протестной активности с помощью данных из социальных сетей широко используется сетевой анализ (social network analysis), который направлен на выявление структуры связей между участниками протестных движений (в том числе и в сравнении с тем, кто не участвует в них). Данные из социальных сетей действительно предоставляют возможности для применения именно методов сетевого анализа, так как в них содержится информация об отношениях между людьми, которую можно представить в виде сетевого графа с набором признаков, описывающих как вершины, так и ребра» [9, с. 63]. Общие тенденции, имманентные современной социально-политической реальности и характеризующиеся амбивалентностью, выделяет Г. А. Явлинский: «Характерная для современного периода “сетевизация” общества, сопровождаемая широким распределением механизмов влияния и, соответственно, снижением индивидуальной ответственности, имеет двоякие последствия. С одной стороны, традиционные лидеры, претендовавшие на ведущие роли в вертикально организованном обществе, утрачивают возможности в прежних объёмах влиять на общественные настроения и политические решения. С другой стороны, на роль лидеров (часто стихийных или “народных”) выдвигаются совершенно случайные люди, неожиданно оказавшиеся в узловых точках различных сетевых взаимодействий. В результате в политических системах резко увеличивается количество случайных результатов, не связанных с реальным соотношением интересов общественно значимых групп» [11]. В анализируемом контексте к важному выводу, в рамках своего исследования с применением агентной методологии, приходит А. С. Ахременко со своими коллегами, который касается горизонтальной самоорганизации индивидов посредством социальных медиа, в условиях информационного противоборства с официальными средствами массовой информации: «Агенты-граждане получают информационные сигналы от своих соседей и, по достижении определённых порогов (по которым они гетерогенны), ретранслируют его обратно окружающим. Дизайн модели устроен таким образом, что при определённых условиях в системе возникают глобальные корреляции: самопроизвольная синхронизация активаций отдельных пользователей» [1,

с. 21]. Данные эффекты приводят к эмерджентным последствиям – новым качествам политической системы (функциям входа, выхода и обратной связи), которые детерминированы персонифицированными коммуникациями в социальных сетях. В данном контексте стоит упомянуть модель эффективности репрессий Д. Зигеля, согласно которой политическое участие индивида обусловлено обобщённой внутренней мотивацией и внешними мотивами, которые связаны с локальным уровнем протестной активности. Другими словами, возникают новые цифровые формы социальной взаимообусловленности, которые в процессе агрегирования интересов приводят преимущественно молодое и среднее поколение к политическому манифестированию, артикуляции своих требований.

Касаясь мотивационной составляющей современных российских протестов, следует проанализировать результаты опроса (рис. 2), который проводился 29 января – 2 февраля 2021 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объёмом 1616 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населённых пунктах, 50 субъектах РФ. Исследование осуществлялось на дому у респондента методом личного интервью.

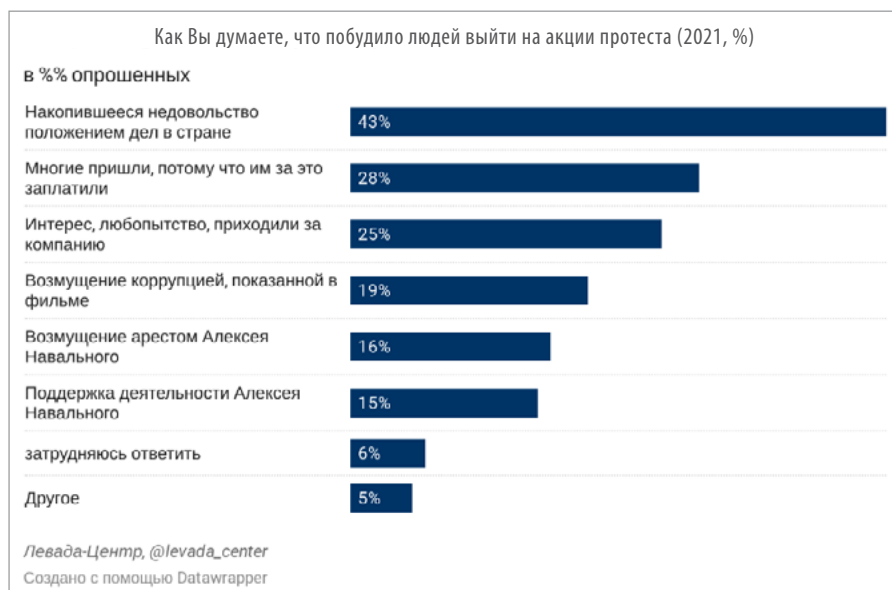

Рис. 2 / Fig. 2. Январские протесты / January protests

Источник: *Январские протесты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2021/02/10/yanvarskie-protesty/> (дата обращения: 01.03.2021).*

Результаты репрезентативного социологического опроса показывают, что большая часть респондентов в качестве основных причин протестной

волны видит в накопившихся противоречиях внутри социального пространства, дисфункции политической системы (усиление неформальных институтов) и борьбе лидера несистемной оппозиции.

ПРАКТИКА РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

Рассматривая аспекты, связанные с анатомией, географией и технологиями российского политического протеста 2021 г. можно отметить следующие моменты:

1. Политический протест опирался преимущественно на молодое поколение (до 70% участников моложе 35 лет), о чём постоянно говорила власть, тем самым пытаясь демпфировать манифестирование. В результате в большей степени получилась политическая реклама акций, то есть обратный эффект. Старшее поколение практически не проявило себя, что указывает в целом на его лоялистское политическое поведение.

2. Средством мобилизации масс преимущественно выступали не политические институты (политические партии, движения), а горизонтальные социальные сети и неофициальные СМИ, в которых и с которыми непосредственно связано поколение Z, а не X. Этот инструментарий позволил достаточно быстро и транспарентно распространять информацию об акциях по всему миру.

3. В результате география протеста затронула более 100 российских городов и населённых пунктов, а также локации за пределами России (преимущественно на Западе).

4. По характеру протестных действий можно говорить об их радикальной, неконвенциональной основе, что привело к негативной реакции на события со стороны системной политической оппозиции. Короткий период политической турбулентности детерминировал поляризацию политического пространства, в котором, с одной стороны, лидеры парламентских партий солидаризировались с высшей политической элитой, тем самым, девальвируя свой статус даже у умеренных оппозиционных субъектов, а с другой – начали конституироваться новые несистемные политические акторы (движение «Перемен», движение «Республика» в Башкортостане), претендующие на роль триггеров для мобилизации активной части общества.

Следует отметить, что градус радикализации возрос по сравнению с массовыми выступлениями в Москве в 2011–2012 гг. В то же время протест по своей телеологичности начал носить более персонифицированный характер. Он в меньшей степени, чем раньше, апеллировал к плебисцитарным механизмам, конституционным регламентациям и т. д. Именно в таких условиях происходит политическая социализация части современной молодёжи, особенно крупных городов.

Затрагивая действия и контрдействия политической власти в сложившейся политической конъюнктуре, нельзя не отметить тот факт, что они, с

одной стороны, демонстрировали единый фронт (особенно силовой блок) по нейтрализации протестов, с другой – наметилась некая латентная фрагментация, что выразилось в слабом публичном осуждении репертуара протеста со стороны многих региональных и, в том числе, московских властей, что, в частности, объясняется непростой электоральной ситуацией в столице, особенно после последних выборов в городскую легислатуру.

Противоборствующие силы достаточно активно апеллировали к роли внешних сил, то есть к коллективному Западу. Основная задача политической элиты заключалась в дискредитации несистемной оппозиции с акцентом на то, что она действует за деньги и по указке внешних акторов. Многочисленные лидеры оппозиционной фронды активно призывали западные державы к усилению давления на политический истеблишмент страны с целью персональными санкциями дестабилизировать социально-политическую ситуацию и в итоге привести к расколу политического класса. С высокой долей вероятности можно предположить, что 2021 г. будет достаточно ярким на политические события, так как впереди электоральный цикл, который обостряет противоречия и, вероятно, приведёт к эскалации политических отношений в неконвенциональном формате. Говоря о ближайших перспективах протестных акций, Я. Ключе также связывает российские электоральные процедуры с акционизмом общества и в итоге заключает, что «с думскими выборами осени 2021 г. перед Кремлём будет стоять новый важный вызов» [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках поставленной цели были рассмотрены различные методологические подходы в интерпретации протестного потенциала, а также был сделан акцент на современном состоянии общества (транзит от модерна к постмодерну), которое характеризуется новой структурой (раскол по оси поколений, расширение прекариата), политической социализацией, детерминированной коммуникативными технологиями, и соответствующими запросами в адрес политической элиты.

Концептуализируя современный российский политический протест, следует отметить следующее: он был детерминирован различными факторами как экзогенного, так и эндогенного свойства, а также может быть интерпретирован в русле всех вышеупомянутых концепций. Так в русле теории политической депривации можно говорить о наличии в России множества социальных страт (особенно в регионах), которые в условиях авторитарной консолидации имеют крайне низкие шансы на реализацию своего личностного и профессионального потенциала, что не может не вызывать протестные настроения у самой активной части социума. Рефлексия в контексте теории коллективного поведения может вывести на основания для современного политического протеста, так как эмоциональная реакция как форма самовыражения политического бытия коллективного действия так или ина-

че имеет своё практическое воплощение, особенно в слоях активной, максималистской, ищущей себя молодёжи. Своё методологическое место находит и коммуникативная теория, в рамках которой отражается функционирование отечественной политической системы, в том числе в формате нерегулярного, во многом стохастического политического протеста. И, наконец, дополняет и обогащает предложенный исследовательский фрейм теория мобилизации ресурсов, в русле которой можно достаточно чётко идентифицировать рациональное целеполагание политического активизма. Сложно опровергнуть тезис о том, что в России есть политические акторы, которые эксплицитно борются за власть, делая ставку на конфронтацию и мобилизацию определённых социальных слоёв. Они в итоге и олицетворяют феномен политического протеста в эпоху сетевизации, горизонтальной коммуникации, феминизации, виртуализации социально-политического пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахременко А. С., Петров А. П., Жеглов С. А. Как информационно-коммуникационные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов: к агентному подходу // Политическая наука. 2021. № 1. С. 12–45.
2. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5(153). С. 3–18.
3. Егоров В. Г., Абрамов А. В. Аксиологический контекст политической модернизации России // Вестник российской нации. 2014. № 5(37). С. 118–133.
4. Кленова М. А. Политические ценности и базисные установки в структуре политической культуры молодежи (на примере Саратовской области) [Электронный ресурс] // Полилог/Polylogos. 2020. Т. 4. № 4(14). URL: <https://polylog.jes.su/s258770110013200-2-1/> (дата обращения: 06.03.2021).
5. Костюшев В. В. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 144–157.
6. Матюхин А. В. Левые взгляды на либеральные протесты в России (Рецензия на монографию Р.С. Осина «Левые силы и стихийный протест: история, уроки, современность, перспективы») // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 4. С. 85–91.
7. Пустошинская О. С. Политический протест как концепт: проблема дефиниции // Альманах современной науки и образования. 2010. № 1-2. С. 83–87.
8. Руденкин Д. В. Политический протест как объект анализа социально-гуманитарной науки: основные концептуальные подходы // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 9. С. 345–354.
9. Стукал Д. К., Беленков В. Е., Филиппов И. Б. Методы наук о данных в политических исследованиях: анализ протестной активности в социальных сетях // Политическая наука. 2021. № 1. С. 46–75.
10. Хенкин С. М. Испания: современные тенденции массового протеста // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 9. С. 73–82.

11. Явлинский Г. А. О политических системах новой эпохи : Политическая энтропия (цифровые технологии и глобализация беспорядка) [Электронный ресурс] // ГРИГОРИЙ ЯВЛИНСКИЙ : Политик, экономист : [сайт]. URL: <https://www.yavlinsky.ru/article/o-politicheskikh-sistemah-novoj-epohi/> (дата обращения: 13.03.2021).
12. Habermas J. The theory of Communicative Action : in 2 vol. Vol. 2 : Lifeworld and System: The Critique of Functionalist Reason. Boston: Beacon Press, 1985. 457 p.
13. Kluge J. Putin und die Proteste in Russland: Die Zeit des Taktierens ist vorbei [Электронный ресурс] // Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP). URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/putin-und-die-proteste-in-russland-die-zeit-des-taktierens-ist-vorbei/> (дата обращения: 15.03.2021).

REFERENCES

1. Akhremenko A. S., Petrov A. P., Shcheglov S. A. [How information and communication technologies change trends in the modeling of political processes: an agent approach]. In: *Politicheskaya nauka* [Political science], 2021, no. 1, pp. 12–45.
2. Brodovskaya E. V., Huang T. [Digital generation: civil mobilization and political protest of Russian youth]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsialnye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 2019, no. 5, pp. 3–18.
3. Egorov V. G., Abramov A.V. [The axiological context of Russia's political modernization]. In: *Vestnik rossijskoj natsii* [Bulletin of the Russian Nation], 2014, no. 5, pp. 118–133.
4. Klenova M. A. [Political values and basic attitudes in the structure of political culture of youth (the case of the Saratov region)]. In: *Политология/Polylogos*, 2020, vol. 4, no. 4(14). Available at: <https://polylog.jes.su/s258770110013200-2-1/> (accessed: 06.03.2021).
5. Kostiushev V. V. [Social protest in the field of politics: potential, repertoire, discourse (theoretical interpretation and empirical verification)]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 2011, no. 4, pp. 144–157.
6. Matyukhin A. V. [Left views on liberal protests in Russia: Review of the Osin's monograph "Left forces and spontaneous protest: history, lessons, modernity, prospects"]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Political Research], 2020, vol. 4, no. 4, pp. 85–91.
7. Pustoshinskaya O. S. [Political protest as a concept: the problem of definition]. In: *Almanah sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2010. no. 1-2, pp. 83–87.
8. Rudenkin D. V. [Political protest in the focus of social and humanitarian science: basic conceptual approaches]. In: *Byulleten nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice], 2019, vol. 5, no. 9, pp. 345–354.
9. Stukal D. K., Belenkov V. E., Filippov I. B. [Data science methods in political science research: analyzing protest activity in social media]. In: *Politicheskaya nauka* [Political science], 2021, no. 1, pp. 46–75.
10. Henkin S. M. [Spain: modern trends of mass protest]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2020, vol. 64, no. 9, pp. 73–82.

11. Yavlinsky G. A. [On the political systems of the new age / Political Entropy (digital technologies and the globalization of disorder)]. In: *GRIGORII YAVLINSKII: Politik, ekonomist* [GRIGORY YAVLINSKY: Politician, economist]. Available at: <https://www.yavlinsky.ru/article/o-politicheskikh-sistem-novoj-epokhi/> (accessed: 13.03.2021).

12. Habermas J. The theory of Communicative Action: in 2 vol. Vol. 2: Lifeworld and System: The Critique of Functionalist Reason. Boston, Beacon Press, 1985. 457 p.

13. Kluge J. Putin und die Proteste in Russland: Die Zeit des Taktierens ist vorbei. In: Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP). Available at: <https://www.swp-berlin.org/publikation/putin-und-die-proteste-in-russland-die-zeit-des-taktierens-ist-vorbei/> (accessed: 15.03.2021).

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 04.04.2021

Статья размещена на сайте: 08.06.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кротков Владимир Олегович – доктор политических наук, профессор кафедры прикладной политологии Государственного академического университета гуманитарных наук; e-mail: vladimir.dussel@gmail.com

Vladimir O. Krotkov – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Department of Applied Political Science, State Academic University for the Humanities; e-mail: vladimir.dussel@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Кротков В. О. Концептуализация политического протеста: теоретические основания и российская практика // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Krotkov V. O. Conceptualization of political protest: theoretical foundations and Russian practice. In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2021, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru.